

Научная статья

УДК 7.01

DOI: 10.20323/1813-145X-2024-6-141-285

EDN: DNPESU

Переосмысление взглядов на прожитую жизнь (по материалам повестей Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и С. Бовуар «Очень лёгкая смерть»)

Владимир Николаевич Липский

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Академия государственной противопожарной службы МЧС России. 129366, г. Москва, ул. Б. Галушкина, 4
vlzamos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1483-0705>

Аннотация. В ряду поздних повестей Л. Толстого повесть «Смерть Ивана Ильича» стоит особняком, поскольку рядовую историю о жизни, болезни и смерти судебного чиновника средней руки писатель превратил в философское повествование о том, как безнравственное существование, наполненное эгоизмом и безразличием к семье и детям, всему окружению в целом чревато тяжелейшими муками в конце жизни. Нежданно-негаданно в жизни Ивана Ильича появляется неизлечимая болезнь, хотя появляется она, по мысли Толстого, как необходимое следствие несправедливой жизни. И вот эта расплата и есть главное в жизни толстовского героя. Толстой подвергает его жесточайшим страданиям, избавлением от них станет неизбежный уход из жизни, в конце писатель указывает страдающему герою путь, который только и может избавить его от страшных мук – любовь и прощение.

Симона де Бовуар описывает иной путь ухода: в нём нет трагедии «пересмотра» прожитой жизни. В отличие от Толстого, она сосредоточена на описании **процесса** перехода из бытия в небытие, сопровождая его описание физиологическими подробностями болезни, анализом медицинских диагнозов и связанных с ними всевозможных терапевтических и хирургических следствий. Справедливости ради, нужно признать, что С. Бовуар периодически прерывает описание физиологических подробностей, вспоминая своё житьё-бытьё, взаимоотношения с матерью, не забывая подчеркнуть отчуждение и тотальное непонимание, существующее между ними. Но доминантой повести тем не менее является описание страданий матери. Бессмысленность жизни и абсурд смерти – лейтмотив повести. При всём сходстве двух произведений с точки зрения повода для повествования, главное их отличие состоит, с одной стороны, в самом процессе описания тяжелейшей ситуации, в которую авторы «поместили» своих героев, с другой, – в конечном результате: для Толстого «хорошо умирать» возможно только при условии нравственной жизни, писатель оставляет читателю надежду на то, что страх перед окончанием земного существования рассеется при условии праведной жизни, тогда как для Бовуар абсурд смерти есть следствие абсурда бытия: («абсурдно, что мы родились, абсурдно, что мы умрём»), но в таком случае жизнь просто теряет всякий смысл.

Ключевые слова: экзистенциализм; смерть; болезнь; служба; Л. Н. Толстой; отчуждение; существование; пограничная ситуация; С. Бовуар; страдание; страх

Для цитирования: Липский В. Н. Переосмысление взглядов на прожитую жизнь (по материалам повестей Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и С. Бовуар «Очень лёгкая смерть») // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 6 (141). С. 285–291. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-6-141-285>. <https://elibrary.ru/DNPESU>

Original article

Rethinking views on life lived (based on the stories of L. Tolstoy «The Death of Ivan Ilyich» and S. Beauvoir «A Very Easy Death»)

Vladimir N. Lipsky

Doctor of philosophical sciences, professor, head of department of philosophy, Academy of state fire-fighting service of Ministry of emergency situations of Russia. 129366, Moscow, B. Galushkin st., 4 B.
vlzamos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1483-0705>

Abstract. Among the later works of L. Tolstoy «The Death of Ivan Ilyich» stands apart, since the author turned an ordinary story about the life, illness and death of a mediocre judicial official into a philosophical narrative about how an immoral existence, filled with selfishness and indifference to family and children, to the entire environment as a whole is fraught with severe torment at the end of life. Almost all his life Ivan Ilyich lived like everyone else: he did not marry for love, he was indifferent to his wife and family, perceived family life as a heavy duty, had affairs on the side, tried to

please his superiors. But suddenly an incurable disease appears, although it appears, according to Tolstoy, as a necessary consequence of an unrighteous life. And this retribution is the main thing in the life of Tolstoy's hero. Tolstoy subjects him to the most severe suffering, the only way out of which will be his inevitable death. But at the end of his earthly existence, the writer shows the suffering hero the path that only can save him from terrible torment – love and forgiveness.

Simone de Beauvoir describes a different way of leaving life: there is no tragedy of «revision» of a lived life. Unlike Tolstoy, she (Beauvoir) is focused on describing the process of transition from being to non-existence, accompanying the description of the transition with physiological details of the disease, analysis of medical diagnoses and all possible therapeutic and surgical consequences associated with them. In fairness, it must be admitted that S. Beauvoir periodically interrupts the description of physiological details, recalling her life, her relationship with her mother, not forgetting to emphasize the alienation and total misunderstanding that exists between them. But the dominant feature of the story is nevertheless the description of the mother's suffering. The meaninglessness of life and the absurdity of death is the leitmotif of the story «A Very Easy Death». It seems that for Beauvoir it is important to evoke in the reader a state of oppressive fear of the inevitable departure from life, therefore fear is another dominant feature of S. Beauvoir's story. Despite all the similarities between the two stories in terms of what gave rise to the story, their main difference lies, on the one hand, in the very process of describing the difficult situation in which the author «placed» their heroes, on the other hand, in the final result: for Tolstoy, «dying well» is possible only under the condition of a moral life, the writer leaves the reader hope that the fear of the end of earthly existence will dissipate under the condition of a righteous life, whereas for Beauvoir, the absurdity of death is a consequence of the absurdity of being: («it is absurd that we were born, it is absurd that we will die»), but in this case life simply loses all meanings.

Key words: existentialism; death; illness; service; alienation; Tolstoy; existence; borderline situation; suffering; Beauvoir; fear

For citation: Lipsky V. N. Rethinking views on life lived (based on the stories of L. Tolstoy «The Death of Ivan Ilyich» and S. Beauvoir «A Very Easy Death»). *Yaroslavl pedagogical bulletin. 2024; (6): 285-291 (In Russ.).* <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2024-6-141-285>. <https://elibrary.ru/DNPESU>

Введение

В произведениях Л. Толстого и С. Бовуар авторы ставят своих героев в жёсткие пограничные ситуации, которые неизбежно «разрушают раковину и заставляют человека выйти из зоны комфорта. В такие моменты человек осознаёт, что прежние убеждения потеряли смысл и ему необходимо создать новый смысл самостоятельно» [Лакаев, 2024, с. 102]. Сходство произведений ещё и в том, что описание этих ситуаций сопровождается изображением мучительных страданий героев, но для Толстого важно подвести своего героя к тому, чтобы ему и читателю пришло понимание, ради чего человеку ниспосланы описанные им страдания Ивана Ильича. И вот в этом последнем авторские подходы в корне различны, поскольку для Бовуар важно описание процесса ухода с физиологическими деталями и это, как нам кажется, наряду с безудержным страхом в связи с ожиданием небытия, является её сверхзадачей.

Произведение Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» было написано после происшедшего с писателем серьёзного духовного кризиса, когда он переосмыслил свои взгляды на религию и на жизнь в целом. Этот кризис самым кардинальным образом повлиял на всё дальнейшее творчество писателя, а его поздние повести, к которым относятся и повесть «Смерть Ивана Ильича» были написаны после «перепросмотра» прежней жизни. Теперь Толстой полагает, что осуществление христианского идеала всеобщего братства возможно реализовать только благодаря нравственному со-

вершенствованию человека. Поэтому центральной проблемой повести «Смерть Ивана Ильича» становится морализаторский призыв жить по совести, вследствие нарушения которого человека ждёт страшная кара: «В позднем творчестве... Толстой приходит к осмыслению экзистенциальных проблем смысла жизни и её бессмысленности, поднимает вопросы о сущности смерти и одиночества» [Цайзер, 2019, с. 20].

Ситуации, описанные в повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича» и в повести французской писательницы-экзистенциалистки Симоны де Бовуар «Очень лёгкая смерть», в которой Бовуар рассказывает о тридцати днях «умирания» (Толстой) своей матери, на первый взгляд, выглядят сходными. Оба героя «помещены» авторами в пограничную ситуацию тяжёлой болезни и смерти. Однако процесс «умирания» художники описывают в соответствии со своими нравственно-философскими установками. Л. Толстой в повести сосредоточен не просто на описании коллизий последних недель жизни своего героя – по ходу описания болезни и страданий Ивана Ильича в повествовании незримым образом присутствует дневниковая запись Толстого: «Хорошо жить – значит хорошо умирать. Постарайся хорошо умирать». В понимании Толстого – хорошо умирать возможно при условии нравственной жизни. Этот контекст самым кардинальным образом отличает повесть русского писателя от повести С. де Бовуар. Рассказывая, как и Толстой, о болезни и последних неделях жизни своей матери, Бовуар сосредоточена на процессе

«умирания», её главный интерес – процесс, точнее сказать, процесс физиологии «умирания».

Методы исследования

В работе использовались общепедагогические методы, структурно-функциональный, описательный, историко-типологические и некоторые другие.

Причиной интереса к рассматриваемой проблеме стало осмысление наметившегося в последнее время размежевания русской культуры с культурой европейской, в рамках которой постепенно стали обнаруживаться давние ценностные трансформации, связанные с тенденциями рационализации и коммерциализации европейской культуры, в которой, по выражению Гегеля, уже после эпохи Возрождения «мысль и рефлексия» обогнали художественное творчество и наступили времена «неблагоприятные для искусства». Поводом, в свою очередь, является желание продолжить анализ идей ценностного перерождения европейской культуры, предпринятый в опубликованных ранее статьях в «Ярославском педагогическом вестнике» [Липский, 2022; 2024].

Результаты исследования

«Желаю себе и всем хорошо умереть» (Л. Толстой)

«Смерть Ивана Ильича» – одно из самых знаковых произведений этого периода, писатель выстраивает в нескольких планах, причём, эти планы выстраиваются не в хронологической последовательности: повесть Толстого начинается с описания циничной реакции сослуживцев на известие о смерти их коллеги, вычисляющих какую прибавку к жалованью можно получить в случае перемещения по службе: «Теперь, наверное, получу место Штабеля или Винникова, – подумал Фёдор Васильевич. – Мне это и давно обещано, а это повышение составляет для меня восемьсот рублей прибавки...» [Толстой, 1964а, с. 58]. Столь же цинично и поведение вдовы Ивана Ильича, притворно переживающей уход супруга: «Она сделала вид, что спрашивает у Петра Ивановича совета о пенсии; но он видел, что она уже знает до мельчайших подробностей и то, чего он не знал: всё то, что можно было вытянуть от казны по случаю этой смерти; но что ей хотелось узнать, нельзя ли как-нибудь вытянуть побольше денег» [Толстой, 1964б, с. 64]. Писатель с самого начала произведения недвусмысленно даёт понять, что представляет собой нравственная атмосфера, в которой жил герой его повести, что «семья и друзья Ивана Ильича не испытывают ни малейшей печали по поводу

его смерти, они озабочены только собственным выживанием и тем, что они смогут извлечь из этого события...» [Крылов, 2021, с. 174].

Ещё один план – это жизнь Ивана Ильича до болезни, когда «жить приятно и легко», со всеми вытекающими из этой жизни атрибутами, и самый важный план повести – жизнь Ивана Ильича во время болезни с описанием его страданий физических и, что значительно существеннее, страданий моральных: «ведь им то же самое будет», – обращается мысленно умирающий Иван Ильич к своим близким (в первую очередь к жене и дочери), беззаботно веселящихся в соседних комнатах, в то самое время, когда Иван Ильич испытывает жесточайшие муки.

Под стать коллегам и его супруге протекала и жизнь самого Ивана Ильича: писатель на протяжении всего описания жизни своего героя до болезни беспристрастно воссоздаёт его экзистенциальное существование: буднично изображает интрижки и угодничество Ивана Ильича: «Была в провинции и связь с одной из дам... была и модистка... и поездки в дальнюю улицу после ужина; было и подслуживание начальнику и даже жене начальника, но всё это носило на себе такой высокий тон порядочности... происходило с чистыми руками... с французскими словами и, главное, в самом высшем обществе, следовательно, с одобрением высоко стоящих людей» [Толстой, 1964в, с. 68]. В контексте повествования писатель «создаёт образ человека, который не живёт в подлинном смысле этого слова, пока жизнь понимается им как существование в материально благоустроенном собственном мире, и это понимание с молчаливого одобрения “наивысше поставленных людей” превратилось в цель жизни...» [Дрепина, 2021, с. 142]. Представляется, что в процитированных выше строчках из произведения Толстого, пронизанных жёсткой иронией, изображающих существование Ивана Ильича, писателю было бы достаточно, чтобы показать, что представляет из себя его герой и его окружение, но Толстой этим не удовлетворяется. Целью художника является сверхидея: показать читателю, что жизнь не «по совести» чревата жесточайшей расплатой, поэтому писатель-моралист воссоздаёт максимально целостную картину бытия своего героя, которая и позволит объяснить немилосердную «расправу» автора над своим героем в конце произведения.

В русской философской традиции проблема смысла человеческого бытия, размышления о его взаимосвязи с завершающим этапом человеческой жизни занимают значительное место в рефлексии Н. Бердяева, В. Розанова, Н. Лосского,

В. Соловьёва и других русских мыслителей. Одна из работ Н. Бердяева так и называется: «О назначении человека», в которой он прямо указывает на существование взаимосвязи жизни и смерти: «Человек не может определить себя только перед жизнью, он должен определить себя и перед смертью, должен жить, зная, что умрёт... кто строит свою жизнь, закрыв глаза на смерть, тот проигрывает дело жизни» [Бердяев, 1993, с. 6]. Проблема философского размышления Н. Бердяева – смысл существования человека, поэтому он и рассматривает его бытие в целом, частью чего и является возможность определить себя не только «перед жизнью», но и «перед смертью». По существу, это повторение слов Л. Толстого из его дневниковых записей.

Герой Толстого эгоцентричен и всё вокруг него пронизано духом безразличия: его отношения с близкими, которые отвечают ему тем же, опостылевшая служба и его отношения с сослуживцами: «Радости служебные были радости самолюбия, радости общественные были радости тщеславия, но настоящие радости... были радости игры в винт» [Толстой, 1964г, с. 80]. В повести Толстого, можно полагать, что главным героем является отчуждение, в котором пребывает толстовский персонаж во всевозможных ипостасях. Толстой как бы говорит нам, что неизбежным следствием такого антихристианского бытия для себя являются мучения, настигшие его героя, и подталкивает читателя к тому, чтобы не следовать по тому жизненного пути, по которому двигался его герой.

Произведение Л. Толстого – своеобразное доказательство от противного идеи цельности и неразделимости бытия человека, свойственное традиционному христианскому миропониманию: «Живи жизнью целого, раздвинь во все стороны границы своего маленького я, принимай к сердцу дело других и дело всех, будь добрым семьянином, ревностным патриотом, преданным сыном церкви, и ты узнаешь на деле добрый смысл жизни, не нужно будет его искать и придумывать ему определения» [Соловьёв, 2012, с. 84]. Правильно полагать, что свойственный русским мыслителям подход целостного понимания бытия, в котором индивидуум не мыслит себя в отрыве от целого является доминантным в русской культуре. В связи с этим следует сказать о том, что в повести Л. Толстого экзистенциальная тема существования Ивана Ильича, безусловно, является доминирующей. Это, например, хорошо видно, когда Л. Толстой показывает взаимоотношения Ивана Ильича с его окружением: «Отчуждение это могло бы огорчать Ивана Ильича... но он теперь уже признавал это

положение не только нормальным, но и целью своей деятельности в семье» [Толстой, 1964д, с. 73], когда Толстой пишет о полном одиночестве своего героя, «полнее которого не могло быть нигде», однако, в противовес классическому экзистенциализму, в котором человеческое существование рассматривается как «собственное бытие к смерти» (Хайдеггер), в завершающей части повести автор указывает путь, способный привести к нравственному прозрению. Вся повесть Толстого, на первый взгляд, написанная в экзистенциальном ключе абсурдного бытия человека в мире, в финале вступает в оппозицию экзистенциальным идеям – сосредоточенность на бессмысленном существовании отступает перед торжеством христианской морали.

«Чем меньше в жизни смысла, тем лучше она прожита» (А. Камю)

Как и Толстой, С. Бовуар «создаёт» для своей героини пограничную ситуацию, как и у Толстого, у Бовуар в её повести одна из главных экзистенциальных проблем – это проблема отчуждения. Отчуждение в целом – неотъемлемое свойство существования человека в мире, и оно сопровождает человека на протяжении всей его жизни, меняются лишь его формы в контексте человеческого бытия. Отчуждение – это «процесс отстранения человека на трёх уровнях – в отношении природы, в отношении Другого и в отношении самого себя под воздействием самостоятельно существующих внешних факторов» [Ерофеева, 2022, с. 11]. Можно полагать, что второй и третий уровни (формы) взаимосвязаны, так как отчуждение от другого влечёт за собой отчуждение от самого себя. Именно так и произошло с толстовским Иваном Ильичом, поскольку процесс социального отчуждения неизбежно влечёт и отчуждение от самого себя.

В своё время К. Маркс, блестяще раскрывший сущность отчуждения в буржуазном обществе, на примере экономического (социального) отчуждения писал: «Отчуждение рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает внешнее существование, но ещё и то значение, что его труд существует вне его, как нечто чуждое для него, что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой» [Маркс, 2022, с. 42]. Понятно, что социальное отчуждение усиливается посредством научно-технических достижений, что в свою очередь не может не стать предметом рефлексии самого индивида.

«Классические» экзистенциалисты (Ж. Сартр, А. Камю, С. Бовуар), сосредоточившись на внутреннем состоянии (отчуждение в отношении само-

го себя), тем не менее не избежали рефлексии в отношении Другого: «Отчуждение полностью захватывает межличностные связи. Реальность мира людей двойственна, ибо, как утверждает Сартр, “бытие-для-себя” одновременно содержит в себе и “бытие-для-другого” [Смолева, 2016, с. 4]. Описывая как по “классике” свои взаимоотношения с матерью, С. Бовуар пишет: «Отчуждённость между нами росла. Поэтому до выхода в свет “Гостьи” (биографический роман С. Бовуар – В. Л.) мама плохо представляла себе, чем я живу. Она пыталась убедить себя, что я – “порядочная и серьёзная женщина”. Дошедшие до неё слухи развеяли эти иллюзии...» [Бовуар, 1968, с. 64]. Само название повести С. Бовуар «сконструировано» автором для того, чтобы подтвердить теоретический посыл экзистенциализма. Повесть не только наполнена физиологическими деталями, но и сопровождается длительными размышлениями С. Бовуар о бессмысленности пребывания человека в этом мире, а чтение повести оставляет гнетущее впечатление, поскольку сверхзадачей автора выступает идея подтвердить мысль о том, что первый шаг человека в этом мире – это шаг человека к своей смерти, с наступлением которой человеком обретается подлинная свобода.

Наряду с другими персонажами, одним из главных персонажей повести Бовуар выступает Смерть. В целом для творчества экзистенциалистов (философского и художественного) проблема смерти так же, как и абсурд бытия – одна из ключевых. К примеру, исследователи, сопоставляя романы «Посторонний» А. Камю и «Чужой друг» К. Хайна приходят к выводу о том, что в «Постороннем» смерть имеет концептуальное значение для формирования художественного смысла – это доказательство абсурдности человеческой жизни. В «Чужом друге»... смерть (нелепая – В. Л.) друга в потасовке... является мотивом, формирующим сюжет и композицию произведения...» [Валиева, 2019, с. 88].

Бесконечно прав известный знаток французской культуры Самуил Великовский, который в качестве своеобразного послесловия к повести Бовуар в статье «Зачем смерть?» пишет: «Надо говорить о поражении, о скандале бытия, о смерти не для того, чтобы повергнуть людей в отчаяние, но, напротив, чтобы спасти их от отчаяния...» [Великовский, 1968, с. 103]. Вероятно, можно было бы согласиться с известным специалистом, но, читая повесть Бовуар, не получается схватиться за предложенный «спасательный» круг, потому что то, в какой **форме** это передаётся, не оставляет ни грамма надежды для живущего человека: опираю-

щийся на описание физиологии процесс умирания героини вселяет скорее страх, чем «спасение от отчаяния»: «Вскоре оттуда вышел доктор Н. и сообщил: в животе два литра гноя, прободение брюшины, обнаружена огромная злокачественная опухоль, худшая разновидность рака, хирург удаляет всё, что возможно...» [Бовуар, 1968 с. 28].

Не остается надежды, как нам кажется, и потому, что в эстетическом восприятии в целом, а в эстетическом восприятии произведения искусства особенно важно то, **как** это изображено. В «Метафизике» Аристотеля читаем: «... делать медь круглой – не значит, делать круглое или шар, а значит, делать нечто иное, именно осуществлять **эту форму** (выделено – В. Л.) в чём-то другом... если же делая бы и самый шар, то ясно, что его делали бы таким же образом и одно возникновение шло за другим до бесконечности. Очевидно... что форма... также не становится и не возникает, как и не возникает суть бытия вещи... А то, что делает человек... из меди и шара [как фигуры]... он придаёт форму вот этой меди и получается шар» [Аристотель, 1976, с. 201]. Предназначение формы в том, чтобы способствовать пониманию того, что представляет собой материал (содержание). Позднее в «Критике способности суждения» об этом же напишет и И. Кант, рассуждая о двух видах красоты: первый вид – это «чистая красота, которая не предполагает никакого понятия о том, чем должен быть предмет» [Канта, 1966, с. 232], второй вид красоты – «это чисто «привходящая красота», которая предполагает понятие о том, чем должен быть предмет, предполагает понятие совершенства в соответствии с этим предметом. Кант, как и Аристотель, отмечает, что представление о прекрасном в предмете – «это представление есть, собственно, только форма, изображения понятия, через которую это понятие приобретает всеобщую сообщаемость» [Кант, 1966, с. 239]. Поэтому «форма не просто организует содержание, а придаёт ему (понятию, содержанию) «всеобщую сообщаемость», без которой содержание не представляет никакой художественной ценности [Липский, 2017, с. 230]. Потому сложно говорить о художественной стороне повести С. Бовуар, да и о социальной также, поскольку физиология доминирует в выведенных автором образах, а герои «подтягиваются» под теоретическую базу экзистенциализма.

Заключение

Подводя итог корреляциям повестей Л. Толстого и С. Бовуар, следует заключить, что, даже не углубляясь в художественную ткань произведений, выскажем предположение, что Л. Толстой, сосредоточившись в конечном итоге на

изображении нравственного возрождения своего героя, как художник и в хорошем смысле слова морализатор, отразив проблему «умирания» в контексте национальных духовных исканий, оказался на недосягаемой высоте. По свидетельству известного хирурга Н. Пирогова, писателю удалось в художественной форме, не прибегая к медицинским описаниям, настолько точно отобразить клиническую картину болезни и смерти своего героя, что любой студент-медик, прочитав повесть Толстого, может поставить диагноз, о том, что Иван Ильич умер «от рака в брюшной полости»: Толстой «художественно зафиксировал процесс умирания и философски запечатлел событие смерти, которое привело к нравственному преображению и, как следствие, обретению смысла жизни и постижению истинного значения смерти» [Демидова, 2020, с. 154].

В завершение повести Толстого возникает понимание, в корне отличное от повести «Очень лёгкая смерть» С. Бовуар. Путём тяжелейшей нравственной борьбы герой произведения «Смерть Ивана Ильича» постигает смысл перехода от бытия к небытию: «Для Ивана Ильича... болезнь и умирание, указавшие на призрачность многих его достижений... которые разбились, когда он понял, что стоит на пороге смерти, что сама его ситуация – это теперь вопрос жизни и смерти» [Касавина, 2021, с. 87]. Толстой ведёт своего героя жестокой дорогой прозрения: сначала он в муках задаётся вопросом, что, возможно, он жил неверно: «Может быть, я жил не так, как должно?», но ответ на этот вопрос ещё более усугубляет его страдания, поскольку на протяжении жизни он «делал всё как следует», поступал как это было принято в его окружении, но это спасительное оправдание своего безысходного положения он вынужден отвергнуть, поэтому на протяжении почти всей повести толстовский герой не осознаёт, за что ему «весь этот ужас».

И уже перед самым концом повествования, когда «наступает понимание безудержного приближения смерти, её неминуемости, главный герой тут же ощущает абсолютную свободу, лучами света рассеивающую и уничтожающую страх смерти» [Жиляков, 2018, с. 259], и писатель-моралист, словно сжалившись над своим героем, «подсказывает» ему выход из безвыходной, казалось бы, ситуации – это любовь и прощение: «Жалко их, надо сделать, чтобы им не было больно», – это было последнее о чём подумал герой Толстого. Поэтому экзистенциальное в целом повествование Л. Толстого в своих выводах в корне не совпадает с экзистенциальной философией абсурдности и безысходности бытия, воспроизведённой в повести

С. Бовуар, поскольку повесть Л. Толстого, в конечном итоге, про нравственную победу. Этим, собственно, их миропонимания и отличаются, смысл одного – это восхождение на своеобразную Голгофу, а другого – нисхождение в ничто.

Нужно, с сожалением, признать, что экзистенциальное миропонимание неизбежно не только на уровне субъектного бытия в прошлом, но вполне реально функционирует и в современном мире: «Современная эпоха – первые десятилетия XXI века, представляют собой такое же время, как и то, о котором писал А. Камю. Абсурд современной эпохи просвечивает во всём: в политике, экономике, культуре, религии и пр.» [Стожко, 2022, с. 78]. Вместе с тем реальность существования абсурда в нашей жизни, делает ещё более ценными выводы, предложенные в своё время великим русским писателем.

Библиографический список

1. Аристотель Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. Москва : Мысль, 1976. 552 с.
2. Бердяев Н. О назначении человека. Москва : Республика, 1993. 382 с.
3. Бовуар С. Очень лёгкая смерть. Москва : Прогресс, 1968. 99 с.
4. Валиева А. Р. «Чужой друг» Кристофа Хайна и «Посторонний» Альбера Камю: специфика воплощения экзистенциального сознания / А. Р. Валиева, Г. Т. Гильфанова, Е. А. Никулина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 86–89.
5. Великовский С. Зачем смерть? Москва : Прогресс, 1968. 392 с.
6. Демидова С. А. «Если жизнь – благо, то благо и смерть»: парадоксальная танатология Л. Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3(53). С. 149–155.
7. Дрепина К. Е. Мотив смерти в произведениях Л. Н. Толстого и Л. Н. Андреева : сб. науч. ст. по итогам XXVII Барышниковских чтений – Всероссийской научной конференции «Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский – о судьбах мира и человечества поверх барьеров времени». Липецк, 2021. С. 139–146.
8. Ерофеева Е. В. Феномен отчуждения в исторической перспективе // Гуманитарный вестник. 2022. № 6 (98). С. 1–13.
9. Жиляков С. В. Экзистенциальная тема смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» / С. В. Жиляков, П. П. Иванов // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт. 14-я межд. науч.-практ. конф. : сб. ст. Белгород, 2018. С. 255–259.
10. Кант И. Сочинения: в 6-ти т. Т. 5. Москва : Мысль, 1966. 568 с.
11. Касавина Н. К. В разомкнутости «собственно-го» бытия (на примере повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича») // Цифровой учёный: лаборатория философа. Т. 4, № 2. 2021. С. 83–106.
12. Крылов В. Н. Размышление о смерти в повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» /

В. Н. Крылов, С. Чжэн // Казанский лингвистический журнал. 2021. Т. 4, № 2. С. 167–178.

13. Лакаев П. В. Когда жизнь становится испытанием: пограничные ситуации в философии экзистенциализма // Вестник МПГУ. Серия: Философские науки. 2024. № 1. С. 84–109.

14. Липский В. Н. Феномен формообразования в эстетической и художественной культуре // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 1. С. 227–231.

15. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва : URSS ; Ленанд, 2022. 220 с.

16. Смолева Е. О. Социальные проблемы развития территорий // Вопросы территориального развития территорий. Вып. 4 (34). 2016. С. 1–14.

17. Соловьёв В. Оправдание добра /ответ. ред О. А. Платонов. Москва : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012. 656 с.

18. Стожко К. П. Между гуманизмом и экзистенциализмом (к 110-летию со дня рождения Альбера Камю) // Аксиология гуманизма: история, философия педагогика, право : сб. науч. ст. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2022. С. 77–83.

19. Толстой Л. Н. Собрание сочинений. В 20 т. Т. 12. Москва : Художественная литература, 1964. 510 с. Цайзер К. М. Категория экзистенциального страха в повестях Л. Н. Толстого «Крейцера соната» и «Дьявол» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (203). С. 20–27.

Reference list

1. Aristotel' Sobranie sochinenij = Collected works: v 4-h t. T. 1. Moskva : Mysl', 1976. 552 s.

2. Berdjaev N. O naznachanii cheloveka = On the mission of a person. Moskva : Respublika, 1993. 382 s.

3. Bovuar S. Ochen' ljogkaja smert' = Very easy death. Moskva : Progress, 1968. 99 s.

4. Valieva A. R. «Chuzhoj drug» Kristofa Hajna i «Postoronnij» Al'bera Kamju: specifika voploshhenija jekzistencial'nogo soznaniya = «Alien Friend» by Christoph Hein and «Outsider» by Albert Camus: the specifics of the embodiment of existential consciousness / A. R. Valieva, G. T. Gil'fanova, E. A. Nikulina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2019. T. 12. Vyp. 12. S. 86–89.

5. Velikovskij S. Zachem smert'? = Why death? Moskva : Progress, 1968. 392 s.

6. Demidova S. A. «Esli zhizn' – blago, to blago i smert'»: paradoksal'naja tanatologija L. N. Tolstogo = «If life is good, then good and death»: paradoxical thanatology of L. N. Tolstoy // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2020. № 3(53). S. 149–155.

7. Drepina K. E. Motiv smerti v proizvedenijah L. N. Tolstogo i L. N. Andreeva = The motive of death in the works of L. N. Tolstoy and L. N. Andreev : sb. nauch. st. po itogam XXVII Baryshnikovskih chtenij – Vserossijskoj nauchnoj konferencii «L. N. Tolstoj i F. M. Dostoevskij – o

sud'bah mira i chelovechestva poverh bar'erov vremeni». Lipeck, 2021. S. 139–146.

8. Erofeeva E. V. Fenomen otchuzhdenija v istoricheskoj perspektive = Alienation phenomenon in historical perspective // Gumanitarnyj vestnik. 2022. № 6 (98). S. 1–13.

9. Zhiljakov S. V. Jekzistencial'naja tema smerti v povesti L. N. Tolstogo «Smert' Ivana Il'icha» = The existential theme of death in the story of L. N. Tolstoy «The Death of Ivan Ilyich» / S. V. Zhiljakov, P. P. Ivanov // Nauka i obrazovanie: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt. 14-ja mezhd. nauchno-prakt. konf. : sb. st. Belgorod. 2018. S. 255–259/

10. Kant I. Sochinenija = Works: v 6-ti t. T. 5. Moskva : Mysl', 1966. 568 s.

11. Kasavina N. K. V razomknutosti «sobstvennogo» bytija (na primere povesti L. N. Tolstogo «Smert' Ivana Il'icha») = In the opening of «own» being (on the example of the story of L. N. Tolstoy «The Death of Ivan Ilyich») // Cifrovoj ul'hjonyj: laboratorija filosofova. T. 4, № 2. 2021. S. 83–106.

12. Krylov V. N. Razmyshlenie o smerti v povesti L. N. Tolstogo «Smert' Ivana Il'icha» = Reflection on death in the story of L. N. Tolstoy «The Death of Ivan Ilyich» / V. N. Krylov, S. Chzhjen // Kazanskij lingvisticheskij zhurnal. 2021. T. 4, № 2. S. 167–178.

13. Lakaev P. V. Kogda zhizn' stanovitsja ispytaniem: pogranične situacii v filosofii jekzistencializma = When life becomes a test: borderline situations in the philosophy of existentialism // Vestnik MPGU. Serija: Filosofskie nauki. 2024. № 1. S. 84–109.

14. Lipskij V. N. Fenomen formoobrazovaniya v jesteticheskoj i hudozhestvennoj kul'ture = The phenomenon of shaping in aesthetic and artistic culture // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2017. № 1. S. 227–231.

15. Marks K. Jekonomiko-filosofskie rukopisi 1844 goda = Economic and philosophical manuscripts issued in 1844 / K. Marks, F. Jengel's. Moskva : URSS ; Lenand, 2022. 220 s.

16. Smoleva E. O. Social'nye problemy razvitija territorij = Social problems of territorial development // Voprosy territorial'nogo razvitija territorij. Vyp. 4 (34). 2016. S. 1–14.

17. Solov'jov V. Opravdanie dobra = Justification of good /ответ. ред О. А. Платонов. Москва : Institut ruskoj civilizacii ; Algoritm, 2012. 656 s.

18. Stozhko K. P. Mezhdju gumanizmom i jekzistencializmom (k 110-letiju so dnja rozhdenija Al'bera Kamju) = Between humanism and existentialism (on the 110-th anniversary of the birth of Albert Camus) // Axiologija gumanizma: istorija, filosofija pedagogika, pravo : sb. nauch. st. Ekaterinburg : Izd-vo UMC UPI, 2022. S. 77–83.

19. Tolstoj L. N. Sobrańie sochinenij = Collected works. V 20 t. T. 12. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1964. 510 s.

20. Cajzer K. M. Kategorija jekzistencial'nogo straha v povestjah L. N. Tolstogo «Krejcerova sonata» i «D'javol» = The category of existential fear in the stories of L. N. Tolstoy «The Kreutzer Sonata» and «The Devil» // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2019. № 6 (203). S. 20–27.

Статья поступила в редакцию 17.09.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 21.11.2024.

The article was submitted 17.09.2024; approved after reviewing 22.10.2024; accepted for publication 21.11.2024.